
В. Г. КУЗНЕЦОВ

ЛОГИКА ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

Независимо от отдельных деталей и целой системы философский взгляд оказывается основанием мышления и самой жизни. Те идеи, к которым мы прибегаем, и те, которые мы оставляем без внимания, направляют наши надежды, страхи, наш контроль над поведением. Думая, мы живем. Вот почему собрание философских идей есть нечто большее, чем исследование специалиста. Оно формирует наш тип цивилизации.

Альфред Норт Уайтхед

Термин «логика» имеет несколько значений. Во-первых, он обозначает естественную способность людей к рассудочной деятельности, данную им аналогично «языковому инстинкту». Понятие «языковой инстинкт» («инстинктивная склонность к говорению» в отличие от письменных навыков, которым следует обучать специально) было впервые введено Ч. Дарвином в работе «Происхождение человека», использовалось У. Джеймсом. Концептуально разработанное Н. Хомским, оно приводит к возникновению ряда новых теорий, фундаментальной основой которых является критическая направленность на одно «...из оснований интеллектуальной жизни двадцатого столетия – “Стандартную Модель общественных Наук”, – в соответствии с которой психика человека формируется окружающей культурной средой»¹. Человеческое мышление, сознание и естественный язык для каждого индивида имеют источ-

---

¹ Пинкер, С. Языковой инстинкт / А. Кезин, Г. Фоллмер // Современная эпистемология: натуралистический поворот. – Севастополь, 2004. – С. 345.

ники, глубоко укорененные в биологической природе человека, и процессы становления и развития их происходят параллельно и взаимосвязанно. Окружающая среда в этом процессе является необходимым условием для первичного запуска механизма естественного языка и мышления, и только затем возможны формирование навыков культурного поведения и социализация индивида. Но окружающая среда вторична по отношению к естественным (можно даже сказать – врожденным) способностям к языку и мыслительной деятельности. Введение гипотезы о существовании врожденной универсальной грамматики всех человеческих языков Хомский предвещает важным с методологической точки зрения замечанием: «Это любопытный факт интеллектуальной истории последних столетий, что **физическое и духовное развитие изучались совершенно разными методами** (выделено мною. – В. К.). Никто не примет всерьез мысль о том, что человеческий организм на основе опыта узнает, что иметь руки удобнее, чем иметь крылья, или что базисная структура отдельных органов формируется в результате случайного опыта. Напротив, принимается за аксиому то, что физическая структура организма обусловлена генетически, хотя, конечно, вариации таких качеств, как размеры, уровень развития и так далее, будут зависеть, в частности, и от внешних факторов...

Развитие личности, моделей поведения и познавательных структур у высокоорганизованных организмов рассматривалось по-разному. В основном, полагается, что доминирующим в этих областях является социальная среда. Структуры сознания, развивающегося с течением времени, считаются случайными и произвольными; не существует “человеческой природы”, помимо той, которая формируется как специфический исторический продукт...

Но человеческая познавательная система при серьезном исследовании оказывается не менее удивительной и запутанной, чем физические структуры, развивающиеся с течением жизни организма². Заметим, что здесь Хомский говорит о биологической предопределенности человеческой познавательной системы в целом, а не только о «языковом инстинкте» или, как говорил С. Пинкер,

---

² Пинкер, С. Указ. соч. – С. 344.

«хорошо отлаженном биологическом инстинкте». Человеческая рассудочная деятельность как часть познавательной системы развивается в процессе становления индивида в соответствующих условиях общественной жизни. Все люди в той или иной степени умеют рассуждать так же, как они умеют пользоваться естественным языком. Механизмы, управляющие рассудочной деятельностью, фиксируются и закрепляются на уровне бессознательных структур. Люди умеют рассуждать, рационально не зная логики рассуждения, до поры до времени не задумываясь ни о каких логических правилах. Этот момент, связанный с существованием огромного массива бессознательного знания³ и бессознательных структур, управляющих рассудочной деятельностью, очень важен для дальнейшего изложения материала, и его следует запомнить. Разумеется, действие этих структур не приводит однозначно к абсолютно правильному мышлению, равно как стихийное пользование естественным языком не обеспечивает литературно грамотного его употребления. Люди не являются логическими и лингвистическими автоматами. Отклонение от стихийно выработанных правил может приводить к ошибкам. Х. Зигварт называл такое состояние «несовершенным состоянием естественного мышления». Анализ этого состояния должен подвести к формулировке законов логики и созданию на их основе технического учения о мышлении (*Kunstlehre des Denken*) (см. далее сноску 4).

Для того, чтобы иметь возможность анализировать логические ошибки, необходимо стихийные, бессознательные механизмы рассудка вывести на рационально-осознанный уровень. Это, в частности, возможно в процессе обучения. Как раз второй смысл термина «логика» и связан с этим моментом. Логика – это **наука**, изучающая рассудочную деятельность людей. Более точно ее определение звучит следующим образом. Логика – это наука о формах и законах правильного мышления (иногда говорят: «правильной рассудочной деятельности»), подчеркивая тем самым отвлечение от мыслительных процессов, которые не имеют логической природы). Предметом логики в таком понимании является естественная способность людей к рассудочной деятельности, безграничная стихийная об-

---

³ Именно так! Никакого противоречия здесь нет.

ласть рассуждений. Основной задачей является исследование, открытие и формулировка законов и правил такой деятельности с целью выведения их на сознательный уровень. Только после этого возникает возможность обучения людей логически правильному мышлению. Логика может стать педагогической дисциплиной.

Реализация указанных возможностей должна опираться на метод. В чем заключается специфика логического метода? Изучая процессы рассудочной деятельности, логика рассматривает их только со стороны их формы, специально отвлекаясь от определенного содержания мыслей. Заметим, не пренебрежительно игнорируя его, а именно *отвлекаясь* от него настолько, насколько это нужно. Содержание мысли в определенной степени остается в формулировке логических правил, проникает в них через определенное понимание истины. Но все-таки следует иметь в виду, что связь с содержанием проходит через первенство формы. Поэтому логику иногда называют еще «формальной логикой». Все логические правила формулируются по отношению к форме мыслей. Это обеспечивает всеобщность их применения по отношению к предметным областям, в которых проводится рассуждение. Конкретное содержание в данном случае не имеет значения. Это – не недостаток логики, а необходимое условие, предоставляющее возможность формулирования и применения логических законов и правил.

Мышление (рассудочная деятельность) имеет, как известно, идеальный характер. Но для того, чтобы мысль могла быть передана другим людям, а те в свою очередь ее восприняли и поняли, необходимо ее выразить в доступном для органов чувств виде, «материализовать» ее идеальное содержание. Таким средством выражения мысли является язык (отметим: как естественный, так и искусственный). Мысль выражается в языке. Зная этот достаточно очевидный факт, мы тем не менее должны всегда помнить, что логика изучает не язык, а определенный аспект мыслительной деятельности человека. Логика занимается законами мышления, а не языка. Язык в данном случае является лишь средством выражения мысли. Причем адекватно ли язык выражает мысль или нет – это особая проблема. Без большой натяжки можно даже утверждать, что неадекватно. Язык скрывает мысли, «переодевает» их. Уместно здесь будет вспомнить знаменитые слова Ф. И. Тютчева: «Мысль

изреченная есть ложь». Но тем не менее другого средства выражения мысли не существует. Какими бы выразительными возможностями ни обладал язык, мы должны быть ему благодарны просто за то, что он существует. Отсутствие языка равносильно отсутствию сознания, безумию.

Каким же образом можно добраться до формы мысли? Что она собою представляет? В общем виде, не претендуя на точное определение, можно сказать, что логическая форма есть то общее, что имеется у разных по содержанию мыслей. В одну и ту же форму можно «вливать» разное содержание. Более точное понимание логической формы можно получить, как это ни странно, после изучения конкретных логических форм. Данный факт, между прочим, свидетельствует о том, что иногда точные определения не нужны, тем более что в нашем случае все содержание логики как науки есть не что иное, как огромное, контекстуальное определение логической формы.

Традиционное понимание логики заключается в том, что она считается средством доказательства или подтверждения истинности мысли при помощи вывода ее из положений, истинный статус которых был установлен до логического оперирования с ними или не зависит от него. В этом смысле она предстает как некое орудие мышления (как совокупность правил рассуждения), которое одновременно дает возможность «переводить» мысли с «языка» идеальных сущностей на естественный язык. Она оказывается посредником между физически невоспринимаемым миром идей и воплощенным в материальных знаках миром языка. При понимании логики как одного из средств выражения мысли сопоставление «идеальное (мысль) – материальное (языковые знаки)» заменяется триадой «идеальное – механизм перевода идеального в материальное – материальное», звенья которой можно интерпретировать следующим образом. Идеальное есть содержание наших мыслей; материальное есть выражение данного содержания в естественном языке; механизмом же перевода в таком понимании выступает логика, точнее, логика является одним из оснований такого рода деятельности. Но все-таки эта схема еще поверхностна, неполна. Непонятными здесь остаются, по сути дела, все элементы и связи между ними, а также сама идея противопоставления языка и мышле-

ния. Данную схему нельзя понимать как соотношение между онтологически не связанными структурами. Правила логики, являясь основанием, программой рассудочной деятельности, укоренены в глубинах царства мысли. Но одновременно логика выполняет функцию переводчика, посредника между мышлением и языком.

Одним из главных вопросов является вопрос о том, что такое содержание мышления. Чтобы иметь возможность решить эту проблему, нашу схему следует дополнить еще одним элементом, который можно обозначить термином «действительность». Действительность здесь будет пониматься в широком смысле слова, как тот предмет, на который может быть направлено наше мышление. Природа этого предмета является совершенно произвольной, мышление может быть направлено на любые объекты: воспринимаемые с помощью органов чувств или невоспринимаемые; реально существующие или существующие в возможности (мыслимые); вещи, свойства, отношения; реальные или мыслимые ситуации (положения дел) и их комбинации и пр. Следовательно, к понятию действительности будет отнесен весь универсум человеческого рассуждения. Введение этого понятия изменит нашу схему и сделает ее четырехчленной: «действительность – мышление – логика – язык». Отношение между действительностью и мышлением является основным для решения вопроса о содержании мышления. И в общем виде можно сказать, что это отношение позволяет выявить два существенных момента. Первый характеризует свойство **направленности** мышления. Все мысленные акты являются специфическими установками *на* что-либо, *на-направленными* актами. Эти акты указывают на *возможность* наполнения нашего мышления определенным содержанием. Они указывают на то, как возможно мышление. Оно возможно, если имеется направленность его на определенную предметную область.

Реальное же «наполнение» наших мыслей содержанием связано со вторым моментом, характеризующим отношение между мышлением и действительностью. Этим моментом служит *предметная* соотношенность мышления. Не существует беспредметного мышления.

Итак, содержание мышления обладает двумя свойствами – направленностью и предметностью. Содержание мышления может

быть выявлено только в коммуникативных актах, то есть в актах *обмена* мыслями. Поэтому мысли должны быть выражены в структурах, доступных восприятию. Такими структурами как раз и являются языковые выражения.

И наконец, как было уже выяснено, логика стала средством для перевода идеальных мысленных образований в языковые выражения. Языковые выражения в свою очередь предназначены для описания (отражения, обозначения) действительности и выражения мысленного содержания. Понимание в коммуникативных актах обеспечивается общностью концептуального содержания мышления и универсальностью логических форм. Но можно ли говорить о независимости логических форм от конкретной предметной действительности? Традиционное понимание формальной логики базировалось именно на положительном ответе на этот вопрос. Законы и принципы формальной логики не зависят от предметных областей, именно поэтому считалось, что логические правила можно применять при проверке рассуждений в любых областях человеческой деятельности. Так метод мышления был оторван от предмета мышления и абсолютизирован. Так стало возможным говорить о единой логике человеческого мышления (или о единой логике человеческого языка), за действительно научную и единственную форму представления которой долгое время принималась формальная логика, многими мыслителями отождествлявшаяся с аристотелевской силлогистикой, несмотря на то, что несиллогистические выводы были известны еще стоикам и мегарикам. Вопрос о создании специальных логических систем, зависящих от специфических особенностей конкретных предметных областей, был практически лишен всякого научного содержания. Могучая консервативная сила логической традиции была столь непоколебима, что многие столетия господствовало мнение о единственности, универсальности и независимости формальной логики от конкретных областей рассуждения⁴.

---

⁴ Логикой как общий метод исследования стали называть «органомом» и даже «наукой о науке», «именно о началах очевидности и о научных способах или методах ее достижения» (М. Троицкий, цит. по: Культура: теории и проблемы / под ред. Т. Ф. Кузнецовой. – М., 1995. – С. 185). Христов Зигварт писал: «Логика, как техническое учение о мышлении, не может ставить себе задачей давать наставления о том, как следует начиная с известного момента времени производить *одно лишь абсолютно истинное мышление*. Она должна огра-

Итак, утверждение, что логика есть всеобщий метод выражения мыслей, приобретает значение устойчивой традиции. Однако следует специально обратить внимание на то, что история логики как науки преподносит нам поучительный урок. Формальной логикой (или, как говорит Кант, общей чистой логикой) стали называть лишь часть логики. Такое положение, будучи абсолютизировано, привело к установке на независимость логики от предмета мысли. Так возникает формальная логика не только как самостоятельная дисциплина, но – что для целей настоящего исследования является более важным – и как методологическая концепция. Суть ее заключается в том, что логика согласно исходным предпосылкам этой концепции изучает только формы мыслей, отвлекаясь от содержания. Поэтому на формулировку исходных принципов логики не влияет предметная направленность мышления. Логика едина и единственна, поскольку едина и одинакова форма мыслительных актов, которые не зависят от предметной области. Такую логику И. Кант называл логикой общего применения рассудка. Но он в то же время указывал на более сложную структуру логического знания: «Логикой <...> можно рассматривать двояко: как логику или общего, или частного применения рассудка. Первая содержит безусловно необходимые правила мышления, без которых невозможно никакое применение рассудка, и поэтому исследует его, не обращая внимания на различия между предметами, которыми рассудок может заниматься. Логика частного применения рассудка содержит правила правильного мышления о предметах определенного рода. Первую можно назвать начальной логикой, а вторую – органом той или иной науки»⁵. Логикой, понимаемую как органон частных наук, Кант относит к знанию вторичного по отношению к науке

ничиться тем, чтобы показать, какие *общие требования*, в силу природы нашего мышления, должно выполнять всякое положение, чтобы быть необходимым и общезначимым; с другой стороны, она должна показать, при каких условиях и согласно каким правилам можно было бы, исходя из *данных* предпосылок, идти дальше необходимым и общезначимым образом. Вместе с тем логика должна отказаться от решения вопроса о необходимости и общезначимости данных предпосылок. Соблюдение ее правил не гарантирует поэтому необходимо *материальной истинности* результатов, а лишь *формальную правильность* приемов. В этом смысле наше техническое учение необходимо является *формальной логикой*» (Зигварт, Х. Логика. – М., 1878. – Т. I. – С. 10). По Зигварту, технической части логики предшествуют аналитический и законодательный разделы логического знания.

⁵ Кант, И. Критика чистого разума. – М., 1994. – С. 71.

порядка, она возникает позже науки и нужна только для упорядочения уже имеющегося научного знания. Что касается общей логики, то ее Кант разделяет на две части: чистую и прикладную. «Общая, но чистая логика имеет дело исключительно с априорными принципами и представляет собой *канон рассудка* и разума, однако только в отношении того, что формально в их применении, тогда как содержание может быть каким угодно (эмпирическим или трансцендентальным). *Общая логика* называется *прикладной* тогда, когда она рассматривает правила применения рассудка при субъективных эмпирических условиях, указываемых нам психологией... Она только средство очищения обыденного рассудка, но не канон рассудка вообще и не органон частных наук... Только первая часть есть настоящая наука, правда краткая и сухая, как этого и требует систематическое изложение учения о началах разума»⁶.

Кант оставлял возможность для развития логики, опирающейся на предметно-онтологические основания. Но голос его не был услышан. Основное значение понятия «логика», при котором «общая логика... отвлекается от всякого содержания знания» (И. Кант), было принято за единственное. Именно таким образом в истории философии закрепилось крупное разделение предмета и метода. Метод в виде формальной логики был объявлен универсальным средством логического анализа рассуждений в любой предметной области.

Как возможна иная постановка вопроса? Можно ли говорить о зависимости логических форм от конкретной предметной действительности, а следовательно, и об определенной специфике логических рассуждений в определенных областях научной и практической деятельности людей? Утвердительный ответ на этот вопрос станет возможным, если будет осознана глубинная связь между предметом и методом исследования. Причем первичным можно будет считать именно предмет, а не метод. Тогда уже нельзя будет говорить о независимости логики от предмета мысли, а можно вести речь об относительной самостоятельности формальной логики, которая обеспечивает правильность и общезначимость логических структур в процессах рассуждений. Но эти структуры будут обла-

---

⁶ Кант, И. Указ. соч. – С. 71–72.

дать специфическими к конкретным областям свойствами. Иными словами, логика как метод будет обладать характерными чертами по отношению к определенным предметам рассуждения точно так же, как будет обладать спецификой любой метод исследования и изложения по отношению к разным предметным областям. И более того, можно сказать, что некоторые особенности предметной области с необходимостью требуют для своего исследования наряду с общими методами приемов сугубо уникальных.

С этой точки зрения ничто не запрещает говорить об особых логических методах, о конкретных логиках. Бурное развитие логических дисциплин подтверждает этот вывод, сделанный с чисто методологических позиций. К настоящему времени возникли и развиваются такие специальные логики, как логика времени, логика изменения, логика норм и оценок, модальная логика, эпистемическая логика, логика квантовой механики, логика вопросов и пр.

При таком подходе, в частности, в силу сложившейся ситуации математическая логика, которая рассматривалась как адекватное выражение формальной логики, оказывается не точным и не единственным экспликатом логики человеческого рассуждения, а одной из возможных наряду с другими логических систем, исследующих специфику математических рассуждений и решающих метаматематические проблемы.

Если считать, что специфика предметной области определяет особенности методов исследования, и допускать возможность понимания логики как метода, то ничто не может воспрепятствовать построению разных логических методов для разных областей исследования. Разумеется, классические стандарты (принципы тождества, непротиворечия, исключенного третьего) и общие семиотические требования к языкам (принципы однозначности, предметности и взаимозаменяемости) могут в определенных сочетаниях соблюдаться или не соблюдаться для конкретных предметных областей. Специфичность логического аппарата приобретает за счет как фундаментального изменения основных логических законов, так и введения некоторых дополнительных принципов, которые оттеняют особенности данной предметной области.

Это требование отражается в методике построения так называемых неклассических логик, которые являются либо фундамен-

тальными изменениями классических логик, либо расширением классических систем. В последнем случае базисная классическая система остается в основном неизменной (точнее, не изменяются принципы, на которые она опирается) и добавляются некоторые новые основания, от которых ранее отвлекались. Здесь мы можем наблюдать в действии методологическую операцию, обратную абстрагированию. Смысл последнего заключается в том, что классические формально-логические системы отвлекаются (абстрагируются) от условий места и времени произнесения высказываний, от индивида, от изменения предмета рассуждения, эти системы не учитывают оценки, нормы. Неявно принимается существование некоторого внешнего логического наблюдателя, для которого мир рассуждений предстает в обезличенном виде, пригодном для примерки логических форм. При образовании неклассических систем вводятся дополнительные принципы, оттеняющие конкретность данных предметных областей. Например, если классическая логика отвлекалась от времени произнесения высказываний и от включенности временных параметров в сами высказывания, то логика времени явным образом учитывает временные параметры. При этом, используя разные понимания сущности временных процессов, она может исследовать разные типы высказываний с временными характеристиками.

Аналогичные требования предъявляются и к логике гуманитарных наук (герменевтической логике, логике исторического познания, логике естественного языка, логике социального познания и пр.), к рассмотрению которой мы и переходим.

Рассмотрим некоторые примеры, которые показывают разницу в использовании логики в естественно-научной и гуманитарных областях. Если в области естественных наук высказывание *Все металлы суть электропроводные вещества* является общим в обычном смысле, понятие «металл» является строго определенным, так что любая подстановка в функцию-высказывание X – *электропроводное вещество* вместо X любого элемента из области металлов дает истинное высказывание, то в гуманитарных науках такая однозначность не всегда имеет место. Возьмем, к примеру, высказывание *Все крестьяне обязаны платить продналог*. Во-первых, если данное высказывание лишить временного параметра, соотно-

сящего его с историческим и социальным контекстом, оно не будет даже звучать как осмысленное предложение. Во-вторых, понятие «крестьяне» выступает здесь некоторым усредненным представителем своего класса, оно не является общим понятием в обычном смысле. Функция-высказывание *X обязаны платить продналог* после подстановки вместо *X* некоторых терминов из области определения, относящейся к крестьянам, может давать ложные высказывания. Например, высказывание *Современные российские крестьяне обязаны платить продналог* является ложным. В традиционной аристотелевской силлогистике имеются только общие понятия, то есть она является логической теорией, которая основывается на отношениях между общими терминами. Если в силлогистических рассуждениях используются единичные понятия, то они понимаются в интерпретации всеобщности. Никакого промежуточного положения между общими и единичными понятиями не существует. В логике же истории проблема усредненности и типичности имеет чрезвычайное значение⁷. Поэтому традиционная силлогистика не может быть применена в логике исторического познания.

Усредненные и типические понятия широко используются в статистических выводах, которые достаточно хорошо изучены. Можно их применять и в логике исторического познания. Впервые типические понятия и их роль в логике исторического познания были подробно рассмотрены в работе Й. М. Хладениуса⁸, которого

---

⁷ Не будет излишним сделать здесь одно замечание, упреждающее многосмысленность в понимании самого термина «логика истории». Часто в понятие «логика истории» включают свойства, характеризующие ход исторического процесса, само реальное историческое развитие, а не отражение его фундаментальных свойств в голове человека. Такой смысл подразумевают, когда говорят о логике развития исторических процессов. Другое представление о логике истории может быть получено, если ставится и решается проблема изложения отраженного в мысленном содержании исторического процесса. И третий рассматриваемого термина может быть усмотрен, если логику истории понимать как метод познания. При этом в логические приемы познания могут быть включены методы, ранее традиционно не считавшиеся дискурсивными, такие, например, как интуиция, эмпатия, вчувствование, дивинация и пр. Далее «логика истории» понимается в последнем смысле.

⁸ Йоган Мартин Хладениус (1710–1759) – профессор теологии, риторики и поэтики Эрлангенского университета, интересовался логикой и методологией истории. Исследование Хладениуса по методологии истории (Chladenius, J. M. Allgemeine Geschichtswissenschaft. – Leipzig, 1752) было осуществлено до критической реформы Канта, никак не повлияло на последнего и осталось незамеченным философами и логиками вплоть до начала XX в. Представляется, что такое отношение к уникальному исследованию далеко не случайно. Слишком велик был авторитет Аристотеля, Лейбница, Канта, незлыблемым казалось здание фор-

можно считать идейным предшественником методологии исторического познания. В отечественной литературе специальным исследованием логики исторического познания Хладениуса стала работа Г. Г. Шпета «Первый опыт логики исторических наук», опубликованная в журнале «Вопросы философии и психологии» (1915 г., кн. 128). В 1903 г. в XXXVII томе Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона была помещена статья о Хладениусе, но в ней содержится лишь информация о том, что Хладениус интересовался вопросами логики. Конкретный же разбор этих вопросов отсутствует. В обстоятельном труде А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории» (СПб., 1910. – Ч. I) рассматривается методология истории Хладениуса. В этой работе можно усмотреть некоторые особенности и логических идей Хладениуса. В частности, неявно прочитывается идея о специфическом «историческом следовании», об особой логике истории. Так, А. С. Лаппо-Данилевский пишет: «Логическая связь между общими понятиями и историческая связь между действительно случившимися фактами <...> существенно различны: в истории нельзя логически выводить последующее из предшествующего, подобно тому как мы выводим частное из общего; задача историка, напротив, состоит в том, чтобы решить, каким образом то, что он знает о происшедшем в качестве последующего, следовало бы из предшествующего в той мере, в какой он также знает его; кроме того, историк имеет дело и со “случайными вещами” и т. п. С указанной точки зрения Хладений старается выяснить особенности объекта исторического познания» (Методология истории. – СПб. – Ч. I. – С. 31–32)⁹. Я в свое время показал возможность статистической интерпретации логики исторического познания Хладениуса¹⁰. Хладениус видел специфику концептуального аппарата истории в наличии в нем особых понятий типа общих мест, занимающих промежуточное положение между единичными и общими понятиями в их обычном понимании.

мальной логики, которая к тому же еще и входила в систему школьного и университетского образования, то есть составляла органическую часть воспитания и мировоззрения всех образованных людей того времени.

⁹ В настоящее время (в 2006 г.) замечательная книга А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории» переиздана московским издательским домом «Территория будущего».

¹⁰ Кузнецов, В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. – М., 1991. В этой книге имеется подробный анализ и интерпретация концепции Й. М. Хладениуса.

На существование в историческом познании особых концептуальных средств указывали также А. С. Лаппо-Данилевский и Л. П. Карсавин.

Лаппо-Данилевский обращает пристальное внимание на логическую структуру собственно исторического знания. Главной задачей для него является обоснование исторического знания, связываемое им с объединением данных нашего опыта, с приданием единства нашему научному построению и выработкой системы научных понятий. Обоснование должно опираться на соответствующие принципы и методы исследования. Установить принцип означает «опознать ту систему (аксиому), на которой он основан»¹¹, то есть продумать его в собственном сознании и вместе с тем «вставить» в систему общих принципов. Общая задача методологии истории, согласно Лаппо-Данилевскому, состоит в установлении основных принципов исторического знания, а специфическая задача – в обосновании исторического знания, то есть в возведении его к основным принципам познания, обуславливающим саму возможность всякого знания.

Роль логики при этом весьма существенна, так как на нее опирается критерий достоверности знаний, состоящий из двух моментов: формальной корректности (непротиворечивости) и методологической правильности (то есть следования принятым правилам и методологическим стандартам)¹². Возможность постановки вопроса о специфическом «историческом следовании», а значит, и о «логике истории», Лаппо-Данилевский видит в том, что история есть знание об индивидуальном. Поэтому общие понятия не могут выступать субъектами «исторических суждений». Понятий, противоположных общим, в общепринятом смысле не существует, следовательно, в традиционной логике нет средств для описания исторических процессов.

Видимо, поэтому Лаппо-Данилевский высоко оценивал логику исторического познания Хладениуса. Опираясь на него, он вводит в свою методологию истории понятие «тип». Заметим, что у Лаппо-Данилевского неявно содержится особое деление понятий на общие, единичные и типические. Объем и содержание типических

---

¹¹ Лаппо-Данилевский, А. С. Методология истории. – М., 2006. – С. 10.

¹² Там же. – С. 16.

понятий достаточно неопределенны. Они не являются общими и не могут быть единичными. Более того, они всегда включаются по объему в общие, но единичное понятие, включенное в общее, может и не относиться к типическому. «Итак, “тип” есть всегда относительное обобщение; последнее может быть более или менее широким смотря по задачам исследования, понятие типа, значит, есть понятие растяжимое, и объем типа может быть разным»¹³.

Но следует особо отметить, что для научного понимания конкретной действительности историк «стремится возможно больше воспользоваться выводами обобщающих наук»¹⁴. В своих построениях он использует номологические и типологические обобщения, но они сами по себе не составляют цели исторического знания: «Историк прибегает к готовым обобщениям в качестве средств, пригодных для понимания конкретно данной ему действительности»¹⁵. Для естественных наук построение системы общих понятий является целью исследования, для исторического же познания данная операция есть лишь средство, а цель состоит в понимании индивидуального. «История достигает такой цели, – пишет Лаппо-Данилевский, – обходным путем, сообразуясь с требованиями нашего мышления и нашего языка; ведь и в последнем мы постоянно пользуемся общими терминами для изображения индивидуального; в истории они также употребляются для обозначения действительно бывшего»¹⁶. Отсюда видно, что логика истории не противопоставлена логике естественного рассуждения, а является расширением традиционной формальной логики, использует ее в качестве своего основания.

Знанием типов (равно как и обобщений) можно пользоваться для истолкования индивидуальных фактов. Понятие «тип» служит критерием для установления степени отклонения от индивидуальности, в чем как раз и проявляется «познавательное значение типа». После сравнения типа с реальным фактом возможен вопрос причинного характера: почему данные отклонения произошли? (Или иначе: в чем состоит специфика данного индивидуального

---

¹³ Лаппо-Данилевский, А. С. Указ соч. – С. 129.

¹⁴ Там же. – С. 182.

¹⁵ Там же. – С. 180.

¹⁶ Там же.

проявления?) Для изучения индивидуальных особенностей культуры данного народа используются научно установленные типы материальной и духовной культуры (типы хозяйства, религии, искусства), общественного строя, типы государства, способы правления, типы учреждений и т. п. «Таким образом, и историк, придерживающийся идеографической точки зрения, постоянно обращается к общим понятиям; но он пользуется ими не для обобщения, а для индивидуализирующего понимания действительности. Итак, основная задача исторической науки в идеографическом смысле состоит в том, чтобы с индивидуализирующей точки зрения достигнуть научного понимания конкретно-данной нам действительности: история хотя и пользуется общими понятиями, но стремится изучить не то, что происходит всюду и всегда, а индивидуальное; она желает дать научное построение данных в различных точках пространства и различных моментах времени “индивидуальностей”, в их реально-индивидуальном отношении к целостной исторической действительности, и таким образом пытается конструировать понятие об историческом целом»¹⁷.

«Конструирование понятия об историческом целом» – вот основная познавательная задача в историческом исследовании, предполагающая при своем решении ориентацию на реконструкцию индивидуального с опорой на объяснительные методики, включающие в свою структуру типически общие понятия. Лаппо-Данилевский пытается конкретизировать понятие типа за счет различения понятий индивидуального и индивидуальности и путем введения понятия «индивидуальный образ», являющегося экспликатом понятия «тип». Анализируемый методологический инструментарий может показаться ненужной терминологической игрой, если упустить из виду основную цель методологических исканий Лаппо-Данилевского: реконструкцию исторической реальности.

Методология исторического познания, утверждал Лаппо-Данилевский, есть совокупность принципов и приемов, на основании которых «историк, объясняя, каким образом произошло то, что действительно существовало (или существует), построит истори-

---

¹⁷ Лаппо-Данилевский, А. С. Указ. соч. – С. 183–184.

ческую действительность»¹⁸. Реконструкция исторической действительности, представляющая ведущий научный интерес историка, необходимо опирается на образование индивидуальных понятий. Они обозначают один объект и с логической точки зрения являются единичными понятиями. Но индивидуальные понятия, по мнению Лаппо-Данилевского, шире понятия «индивидуальность»: «Действительность слишком разнообразна для того, чтобы можно было изобразить ее во всей полноте ее индивидуальных черт»¹⁹. Поэтому историк независимо от его желаний и личных симпатий или антипатий «нуждается в упрощении конкретного содержания данных своего исторического опыта»²⁰. Он образует «исторические понятия», описывая некоторых людей и некоторые события в их индивидуальности. Из индивидуальности выбираются некоторые черты и соединяются в индивидуальный образ. Причем научное упрощение отличается от практического: последнее содержится, как правило, в исторических источниках рудиментарного или опосредованного характера, созданных зачастую непрофессионалами. «Научный характер построения действительности зависит не столько от упрощения ее, сколько от научно-критического обоснования той точки зрения, с которой оно производится»²¹.

Действительность чрезвычайно сложна и многообразна. Не все существующее в ней имеет для науки познавательное значение, несмотря на все разговоры о системности и полноте как принципиальных основаниях исторического познания. Поэтому в историческом познании выдвигается на передний план проблема критериев выбора того, что имеет познавательное значение. Таким критерием Лаппо-Данилевский предлагает считать отнесение данного факта к данной культурной ценности. С точки зрения русского методолога истории, существуют абсолютные ценности (истина, добро и красота). Они обосновываются философией. Конкретное проявление их как конкретно-исторических ценностей, преходящих и для каждой эпохи своих, своеобразных для каждого народа, обнаруживается в сознательной деятельности людей в истории. Поэтому «пере-

---

¹⁸ Лаппо-Данилевский, А. С. Указ. соч. – С. 16.

¹⁹ Там же. – С. 186.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

живание и понимание ценности объекта становится необходимой предпосылкой всякого исторического объяснения и построения; путем аксиологического анализа мы и определяем, какие именно объекты подлежат научно-историческому объяснению и построению»²². Именно наличие в историческом познании ценностного аспекта составляет его своеобразие, детерминирует специфические особенности его логики и методологии. «Если бы науке истории приходилось иметь дело лишь с “рациональным” и в таком смысле “свободным” действием, то задача ее была бы значительно облегчена: она могла бы по средствам, примененным данным деятелем, заключить о его цели, о “максиме” или о мотиве действующего лица»²³.

Но историческая действительность, к реконструкции которой стремится историк, понятие довольно неопределенное. И индивидуальное событие является исторической действительностью, и последовательность их тоже относится к ней, ее характеризуют также рациональные, аксиологические, телеологические, мотивационные, бессознательные и ментальные моменты, материальные предпосылки и природно-климатические условия жизни людей. Особенностью исторической действительности является ее целостный характер, она сама в определенном смысле может пониматься как индивидуальное целое. Тогда индивидуальные события и участвующие в них индивиды объединяются в исторические процессы. Исторические процессы суть *связанные* события. Историческая связь характеризует непрерывность исторического процесса как целого. Соотношения и связи между индивидом (как частью) и историческим событием (как целым), между историческим событием (как частью) и историческим процессом (как целым), между индивидом и историческим процессом выступают реальными моментами исторической действительности и определяют логику и методологию исторического познания.

Я полагаю, что рассматриваемый материал позволяет сделать вывод о том, что в историческом познании в частности и в гуманитарном познании в целом применяется в неявном виде *особый вид логического вывода*, который на первый взгляд по направленности

---

²² Лаппо-Данилевский, А. С. Указ. соч. – С. 194.

²³ Там же. – С. 207.

мысли можно было бы отнести к индукции (что и было сделано в свое время В. Дильтеем). Но поскольку мы имеем дело не с рассуждениями о свойствах множеств, а с умозаклучениями, в которых фигурируют в качестве субъектов индивидуальные целостные объекты и их части, такой вывод не является индукцией. Это своеобразный тип мериологического обобщения или мериологического ограничения, если рассуждение ведется в обратном направлении. Мериологическое умозаклучение от части к целому осуществляется на основании абстрагирования (отвлечения от несущественного) и идеализации (выделения чрезвычайного, особенного). Специфика его заключается в переносе свойств (например, обладания определенными признаками) от некоторых частей на все целое. При этом опускают многие «индивидуальные обстоятельства» (абстракция) и выделяют чрезвычайные поступки (идеализация). Естественно, что при этом каковы критерии выбора абстрагируемого и идеализируемого материала, таково и научное изложение исторической действительности. Именно здесь находится центральный пункт методологии исторического познания.

Введенное выше понятие типа в подлинно научной методологии выполняет свойственную ему роль. История есть наука в той мере, в какой она образует относительно общие понятия (типические понятия), *подводит* под индивидуальный факт, под типические обобщения. На мой взгляд, это характерно еще для одной специфической для исторических исследований логической операции, которую за неимением общепринятого названия можно условно назвать «подведением». Она предполагает сопоставление (сравнение) данной индивидуальности с результатом мериологического обобщения (смысл логико-гносеологический) и одновременно объяснение (смысл методологический). При этом подразумевается особая философская установка на онтологический статус относительно общих (типических) понятий: в бытии не существует общего, оно обнаруживается в единичном при познавательных операциях с индивидуальным. Причем индивидуальное есть категория логическая и гносеологическая, а единичное – онтологическая. При построении и интерпретации логических систем это обстоятельство следует учитывать, разводя данные категории по разным языковым уровням (синтаксис, семантика).

В психологически ориентированных исследованиях часто описывается оригинальный прием постижения целого, который может быть назван «дивинаторным следованием», – восстановление целого по отдельным фрагментам при помощи интуитивного вживания в мир целого. Он с новой стороны специфицирует логику гуманитарных наук. Этот прием использовался Ф. Шлейермахером (вживание исследователя в мир личности автора и его эпохи), В. Дильтеем, описывался Лаппо-Данилевским, на нем основывал свою методологию истории русский историк и философ Л. П. Карсавин.

Карсавин замечает, что в истории используются индивидуальные и индивидуально-общие понятия, такие, например, как «средний человек», «тип», «основы государственного строя», «феодалное поместье», «средневековый город», «французский буржуа XVIII века» и пр. В каждом конкретном примере историк видит средний случай. Понятие «среднего» используется историком вынужденно ввиду недостатка конкретной информации. Понятие типа отличается у Карсавина от понимания этого понятия Лаппо-Данилевским. Тип вбирает в себя признаки «среднего». Это есть «индивидуальное органическое единство черт, в некотором отношении общее для всей данной группы, класса, общества, эпохи»²⁴. Кроме того, к нему Карсавин относит гипертрофированное, резко выделяющееся единство черт, среднему человеку не свойственное. Типический человек в отличие от среднего – конкретная живая индивидуальность, а не стандарт, не идеал, не схема для сравнения²⁵.

Индивидуально-общие понятия, по Карсавину, имеют существенное значение. «Цель историка не в строгом описании процесса развития, но в объяснении его, в понимании его необходимости. Это <...> достигается не путем причинного объяснения, а особого рода вживанием историка в процесс, сопереживанием процесса, подобным сопереживанию чужой душевной жизни»²⁶. «Вживание», «вчувствование в мир чужого сознания», «сопереживание», «конгениальность» – вот ряд тех категорий, которые используются в исследованиях при подобном подходе. Концептуальные предше-

---

²⁴ Карсавин, Л. П. Введение в историю (теория истории). – Пг., 1920. – С. 35.

²⁵ Там же. – С. 36.

²⁶ Там же.

ственники Карсавина ясны: это Шлейермахер и в значительной мере Дильтей. Обосновывая дивинацию как метод исторического исследования, Карсавин писал: «Всегда и везде задачей является переживание некоторой системы черт, некоторого органического единства. Благодаря этому становится возможною историческая *дивинация*, восстановление целого по немногим разрозненным его частям и фрагментам»²⁷. Значение дивинации как особого приема исследования не будет ясным, если мы не выделим особо понимание Карсавиным субъекта исторического развития, которое следовало традиции русской философии всеединства. Субъект развития «от процесса развития неотрывен, в отдельности от него не существует, почему и называется не просто единым, всеединым или многоединым. Он – актуальное многоединство, конкретное единство многого...»²⁸. Карсавин полагал, что термины «общество», «народ», «государство», «класс», «классовое самосознание» являются метафорами, теоретически и логически не определены. Ни один историк не может сказать, что он точно под этими терминами понимает. Полное неприятие Карсавиным марксистской традиции очевидно. Оно сказывается и в понимании субъекта развития, когда Карсавин пишет, что историк по одному акту субъекта, по одному проявлению «народного духа» может восстановить все строение этого «духа», угадать иные его проявления и возможности (навсегда оставшиеся лишь возможностями) иных проявлений, в чем он сойдется с художником. Подобное познание принято называть «интуицией», «дивинацией» и т. п., вменяя его в особую заслугу историку, хотя без него и нельзя быть настоящим историком. Оно, несомненно, родственно художественному «построению», но не представляет ничего необычного и «мистического»²⁹.

Дивинация и интуиция действительно являются важными методами познания, но далеко не определяющими, их следует ввести в систему других методов и использовать вместе с экономическими, социальными факторами и прочими условиями, которые специфицируют данную познавательную ситуацию. Следует отметить,

---

²⁷ Карсавин, Л. П. Указ соч. – С. 37.

²⁸ Он же. Восток, Запад и русская идея. – Пг., 1922. – С. 7.

²⁹ Там же. – С. 8–9.

что Карсавин высоко ценит диалектику «как необходимый и основной метод познания в изучении развития»³⁰. Но этот метод нельзя «схематизировать», как и не следует «атомизировать» действительность, разлагать ее на «обособленные сущности», между которыми искать причинно-следственные связи (тем более что, по Карсавину, эти связи мнимые). Спор о первичности материального или идеального в историческом процессе – спор метафизический: «Во многих случаях подход к историческому процессу от материальной его стороны оказывается, может быть, более удобным, а для умов элементарных несомненно более легким. Но я оставляю за собою право по идеологии судить о состоянии народного хозяйства, взаимоотношениях труда и капитала и т. д., в то же самое время категорически отвергая за какой бы то ни было из *условно* выделяемых нами сторон народной жизни (в том числе и за идеологией) право на примат или первородство. Представим метафизикам спор о том, что раньше: яйцо или курица. Подойти к процессу можно только с одной стороны; но условно и по соображениям удобства избираемая сторона отнюдь не причина остальных, а предпочтительное методологически не перее онтологически»³¹.

С точки зрения системности исторического подхода к изучению жизни мысли Карсавина занимают свое достойное место в методологии истории. Идеальные силы действий людей в истории действительно входят в систему детерминирующих факторов, от комплексного подхода зависит адекватность наших представлений о реальности.

Как можно было уже заметить, психологическое направление в методологии науки и в логике было представлено авторитетными именами и солидной традицией, но тем не менее оно подверглось серьезной критике. В чем же многие исследователи видели недостатки психологически ориентированных гносеологии, методологии и логики? Мысль Э. Гуссерля о том, что психологизм во всех формах есть релятивизм, была услышана и получила соответствующую оценку в логико-методологических исследованиях. В России антипсихологическую программу поддерживали многие философы. Можно сказать, что на рубеже XIX–XX вв. складывается особая

---

³⁰ Карсавин, Л. П. Восток, Запад и русская идея. – С. 9.

³¹ Там же. – С. 9–10.

антипсихологическая парадигма, к представителям которой относятся философы и методологи, считающие, что психологизм в любых формах своего проявления нивелирует специфику логики, философии, методологии науки, сводит их к особенностям психологических методов.

Причем следует отметить, что критика психологизма была исторически обусловленным явлением, была подчинена задаче обоснования собственного статуса философии, логики и гуманитарных наук и не преследовала цели нивелирования значимости и развенчания самой психологии. Более того, некоторые философы, стремясь разграничить философские и психологические методы, дали толчок для развития именно психологических методов. Так, в частности, Г. Г. Шпет, будучи непримиримым противником психологизма в философии, логике и методологии науки и последовательным рационалистом, тем не менее много сделал для развития психологии, пытался даже организовать новые для России того времени направления (например, этническую психологию). Глубоко зная психологию, он видел вред, наносимый принципом психологического редукционизма, в исчезновении специфики философии и логики, в превращении их в разделы психологии. Так, доказывая бесполезность таких методик при одностороннем их применении, он писал: «Идея, смысл, сюжет – объективны. Их бытие не зависит от нашего существования»³². Если содержанием мыслимых сущностей является представление, то исчезает единое основание, которое связывает нас как мыслящих существ, и становится неясным, прочему мы понимаем друг друга, ведь в каждой голове свое собственное представление. Если кто-то говорит о предметах внешнего мира, то имеет в виду именно эти предметы и определенные связи между ними, а не свои представления о них. Разумеется, может идти речь и об индивидуальных представлениях, но в этом случае психологические представления при помощи определенных приемов должны быть актуализированы вовне для другого, стать пред-метами, на которые направляется мысль.

Шпет, следуя глубокой историко-философской традиции, различает два вида понимания: интеллектуальное и симпатическое.

---

³² Шпет, Г. Г. Эстетические фрагменты. – Вып. II. – Пб., 1923. – С. 96.

Заметим, что у Карсавина именно симпатическое понимание в форме дивинации выступало главным приемом исторического исследования. Шпет в методологическом отношении более гибок. Симпатическое понимание у него является функцией второстепенной (по отношению к философии и логике, но не лишенной научного содержания совсем), сопровождающей объективный смысл. Утверждая указанную позицию, Шпет писал: «В слове, как таком, нет особого носителя субъективных представлений и переживаний говорящего. Через них понимание слова, как такого, не обогащается. Здесь речь идет о познании не смысла слова, а о познании самого высказывающего это слово. Для слова это – функция побочная»³³. Таким образом, симпатическим пониманием, выполняющим второстепенную для смысла слова функцию, должна заниматься психология. «Для лингвиста, логика, семасиолога, социолога – слово совсем не то, что для психолога или биографа. Психологическая атмосфера слова складывается из разнообразных воздушных течений, не только индивидуальных, присущих, например, лично автору сообщения, но также исторических, социально-групповых, профессиональных, классовых и пр. и пр. Все это – предмет особого рода знаний, особых методов»³⁴. Данность слова здесь не объективная, а субъективная. Объективный смысл и субъективные впечатления – разные стороны одного и того же гуманитарного явления (исторического события, художественного произведения, слова), требующие разных методов исследования. Конечно же, существуют задачи, сама постановка которых требует использования обеих сторон, когда важно знать и объективный смысл, и психологическую его окраску. Но существенно важно осознать, что эти указанные стороны принципиально разделимы и познание каждой из них может осуществляться раздельно.

Методологически оправдывая теоретическую обоснованность использования психологических методов при толковании литературных произведений, Шпет писал: «Во-первых, поэт не только “выражает” и “сообщает”, но также производит, как уже говорилось, впечатление. Хотя бы для того, чтобы отделить поэтическую интерпретацию от экспрессивной, нужно знать обе. Во-вторых,

---

³³ Шпет, Г. Г. Указ соч. – Вып. II. – С. 110–111.

³⁴ Там же. – С. 111.

опять-таки для выделения объективного смысла поэмы надо знать, чему в авторе ее мы со-чувствуем, чтобы не смешивать этого с тем, что требуется со-мыслить»³⁵. Строгое разграничение предметных областей и методов философии и психологии ведет к укреплению научной значимости каждой из них, так как психологизм выхолащивает специфику философии, а использование философских методов в психологии нивелирует научность последней. Такая же ситуация характерна и для соотношения психологии и логики.

Основным понятием формальной логики является понятие логической формы. Методы ее выявления были нацелены на получение «чистой» формы, лишенной содержания. Абстрагирование от многих существенных свойств реальных процессов логических рассуждений было вынужденным приемом, оправданным поставленной целью. Метод предназначался для проверки правильности рассуждений независимо от специфики областей их использования. Если же теперь поставить обратную по своей теоретической установке задачу о зависимости используемых логических средств от конкретных предметных областей, то, с одной стороны, для того, чтобы обеспечить правильность логических рассуждений в данных областях, нужно сохранить основные принципы формальной логики, а с другой стороны, чтобы выявить специфику, следует вернуть логическим рассуждениям те свойства, от которых формальная логика явно или неявно ранее абстрагировалась.

К не интересующим классическую логику свойствам реальных логических рассуждений относятся: время произнесения высказывания, условия коммуникативной ситуации, социальные и исторические условия, конкретные особенности субъекта речевой деятельности, всевозможные метафорические и экспрессивные приемы выражения мысли и пр. При построении классических логических систем опираются на семантические принципы экзистенциальности (непустоты области интерпретации), однозначности (любая значимая единица языка может иметь только одно значение) и экстенциональности (взаимозаменяемости в определенных контекстах выражений на тождественные им). Отмеченные принципы и абстрагирование от указанных свойств реальных рассуждений позволяют строить логические системы, опирающиеся на логические законы непротиворечия, исключенного третьего, тождества.

---

³⁵ Шпет, Г. Г. Указ соч. – Вып. III. – Пб., 1923. – С. 76.

Принципы абстрагирования, семантические требования и основные законы логики составляют фундамент экстенциональных классических логических систем. Любое отступление от указанных условий, являющихся фактическими предпосылками классических систем, ведет к образованию неклассических логик. Так, например, логика исторического познания не может абстрагироваться от социальных условий, от временной соотнесенности высказываний. Зависимость истинности высказываний от времени привязывает ее к определенному историческому моменту и делает многие контексты интенциональными, то есть они являются «исторически истинными». Иными словами, исторический деятель действительно мог высказать данное суждение, потому что считал, что оно является истинным.

Герменевтическая логика в свою очередь, относясь к неклассической логике, не может не учитывать зависимость языковых выражений от влияния контекста их употребления. Поэтому в ней встают проблемы совершенно необычные с точки зрения формальной логики, такие, например, как проблема прямого и косвенного значения, соотношения первоначального (этимологического) значения и узуса (общеупотребительного значения) слова, «контекстного следования», «тропного следования», «энтимематического следования» и т. п. Все эти проблемы ждут своего окончательного решения, хотя некоторые из них поставлены уже давно. Герменевтической логикой мы будем называть раздел современной логики, в котором изучаются логические основания, методы и правила понимания смысла знаково-символических систем.

Но всегда ли необходима герменевтика как искусство постижения смысла для понимания чего-либо? Нет, не всегда. Существует понимание безыскусное. «Там, где есть полное понимание, любой конкретный аспект принадлежит тому, что уже ясно. Таким образом, это просто повторение того, что уже ясно»³⁶. Герменевтическая проблема возникает тогда, когда человек сталкивается с непониманием, обнаруживает трудности при постижении смысла. Основатель универсальной герменевтики (Allgemeine Hermeneutik) Ф. Шлейермахер считал, что «герменевтика покоится на факте непонимания речи». Непонимание не является исключительным ак-

---

³⁶ Уайтхед, А. Н. Избранные работы по философии. – М., 1990. – С. 378.

том человеческой деятельности и часто встречается «в родном языке и в обыденной жизни». Исходя из этого положения, не будет выглядеть странной следующая мысль: естественный язык осваивается индивидом в условиях своей среды и ошибки, неточности, двусмысленности являются столь же естественными, как и случайное следование инстинктивно выработанным правилам. Шлейермахер говорит даже, что непонимание происходит «без вины говорящего», внося моральные мотивы в естественный язык. А поскольку говорение и понимание, согласно концепции современника Шлейермахера В. Гумбольдта, в ходе своего реального осуществления неразрывно связаны друг с другом, то и субъект речи не подлежит ответственности. Разумеется, это положение является верным в случае непреднамеренного введения в заблуждение, иначе такой вывод звучит странно. Нелишним будет воспользоваться мнением создателя философской герменевтики Г.-Г. Гадамера: «Герменевтика концентрируется на некоем непонимаемом. Это всегда, как только возможно, имеет силу для герменевтики. Герменевтика требуется для непонимающего или непонимаемого, вследствие этого пользуется вопросами и принуждает к пониманию»³⁷.

Сказать, что человеческий опыт мира связан с языком, – значит высказать тривиальное мнение. Не более оригинальной, хотя и верной, будет констатация положения, что социализация индивида начинается в языке и далее постоянно связана с ним. Менее тривиальной, хотя и высказанной достаточно давно, будет мысль о том, что осознание чуждых языковых и культурных явлений происходит в родном языке, который нагружен своим собственным мировоззрением, специфическим видением мира, знанием мира. И этот факт нельзя не учитывать. Он действует как постоянный коэффициент, константа, поправку на которые нужно всегда делать при исследовании чужой культуры. Ну и совсем уже нетривиально будет звучать вывод, что регулятивные принципы понимания, которые кажутся рациональными константами мыслительной деятельности человека, на самом деле черпаются им из языкового сознания. Принципы понимания объективированы в языке. Примерно об этом писал Гадамер и называл это «способом человеческого опыта

---

³⁷ Gadamer, H.-G. Hermeneutik und ontologische Differenz / H.-G. Gadamer // Gadamer-Lesebuch / hrsg. von J. Grondin. – Tübingen: Mohr, 1997. – S. 271.

мира вообще»³⁸, характеризуя его как герменевтический. Этот опыт накладывает неизгладимый отпечаток на способы поведения и мышления человека во всех областях его жизнедеятельности. С этим как раз и связана универсальность герменевтики в ее онтологическом измерении. «Так нужно понимать притязание на универсальность, которая подобает герменевтическому масштабу. Понимание обусловлено языком. Это ни в коем случае не относится к разновидности языкового релятивизма. Хотя является истинным: живут в языке»³⁹.

Исследование герменевтической логики не является неким обязательным проектом, без которого герменевтика могла бы обойтись. Дело в том, что потребность в герменевтической логике диктуется систематической завершенностью самой герменевтики. Основательные попытки создания герменевтической логики были сделаны в Германии в Гёттингене в 20–30-х гг. XX столетия. О. Ф. Больнов в работе «О понятии герменевтической логики»⁴⁰ описал начало этого движения, подававшего оптимистические надежды, но так и не завершившегося в связи с разразившейся Второй мировой войной. Три человека – Георг Миш, Йозеф Кёниг и Ганс Липпе – с разных сторон, двигаясь параллельными курсами, подходили к решению основных проблем особой неформальной логики.

Сам Георг Миш не использует термин «герменевтическая логика». Но Больнов считает: «Уже у Миша можно с полным правом говорить о герменевтической логике. Во всяком случае, последний раздел своей лекции⁴¹ он называет “герменевтический характер в философской логике”, причем, с одной стороны, противопоставляет свою логику как в полном смысле философскую просто формальной логике, и, с другой стороны, этим подчеркивается ее особый “герменевтический характер”»⁴². Миш ставит проблему поиска

---

³⁸ Gadamer, H.-G. Die Universalität des hermeneutischen Problems / H.-G. Gadamer // Gadamer-Lesebuch. – S. 69.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Bollnow, O. F. Zum Begriff der hermeneutischen Logik // Argumentationen. Festschrift für Josef König / hrsg. von H. Delius und G. Patrig. – Göttingen, 1964. – S. 20–42.

⁴¹ Лекции Миша не опубликованы. Больнов в своем исследовании упоминает несохранившиеся у него подготовительные раздаточные материалы Миша, собственные воспоминания, впечатления и пользуется чужим конспектом.

⁴² Bollnow, O. F. Op. cit. – S. 106.

собственного фундамента восприятия, логики, мышления и языка в элементарных формах жизни. Речь здесь идет о раскрытии онтогенетического процесса становления человеческого рода, в котором история развития логических форм неразделимо слита с историей естественного языка, с естественной рассудочной деятельностью и восприятием. Все это практическое жизненное единство вплетено в целое жизненного поведения, в котором в свою очередь «укоренено действующее знание». Как известно, Миш был представителем дильтеевской школы. Видимо, он понимал, что, опираясь на глубоко разработанную герменевтику, можно было выработать логический фундамент философии жизни, который позволил бы снять упреки в иррационализме (на мой взгляд, достаточно беспочвенные, так как опора на бессознательный фактор при объяснении творчества и вообще жизненного поведения еще не означает безвозвратного пути в лабиринты иррационалистических иллюзий).

Йозеф Кёниг ведет свои исследования в пограничной зоне между логикой, онтологией и языком. Его попытка обоснования логики через связь мышления, действительности и языка намечает перспективный путь к изучению синтетической проблемы понимания. К сожалению, основательная работа «Бытие и мышление. Исследования в пограничной области логики, онтологии и философии языка»⁴³ не получила своего дальнейшего продолжения.

Ганс Липпс вводит термин «герменевтическая логика», но вкладывает в него другое содержание. Больнов считает, что все три исследователя вплотную подошли к «жизненно-философскому (или также антропологическому) обоснованию логики», не смогли завершить начатого дела, но достижения Липпса были более весомыми⁴⁴.

Основные идеи Липпса могут быть изложены в следующих положениях. Заложенные в человеке его природные, генетические механизмы оказывают воздействие на все формы жизненных проявлений, являются бессознательными факторами. Поэтому требу-

---

⁴³ König, J. Sein und Denken. Studien im Grenzgebiet von Logik, Ontologie und Sprachphilosophie. – Halle a.d. Saale, 1937.

⁴⁴ Работа в этом направлении Г. Миша и Й. Кёнига была прервана Второй мировой войной. После войны они не вернулись к своим исследованиям. Г. Липпс погиб в России. Никто из логиков и философов после войны не продолжил их начинаний.

ются герменевтические усилия для обнаружения, как бы сказал Хайдеггер, предрассудков, укорененных в природе человека. А поскольку любые акты познания, логических рассуждений, языковых действий являются поступками самого человека, не отстраненного внешнего наблюдателя, а непосредственно включенного в эти акты, то в каждом из таких актов человек осуществляет самого себя, и то, что предшествует таким актам, следует выявлять герменевтически. Липпс пишет: «Однако то, что обнаруживается герменевтически, является в нем самом в его предшественности (in seiner Vorgängigkeit) бессознательным»⁴⁵. Поэтому герменевтическая логика, обоснование которой пытается дать Липпс, существенно отличается от традиционной формальной логики: «Нужно морфологию суждения <...> заменить типикой поступков, в которых осуществляется экзистенция»⁴⁶. Герменевтическая логика, как ее понимает Липпс, предназначена для выведения знания из тех жизненных поступков, которые в данный момент являются предметом понимающей деятельности. Больнов замечает, что «Липпс называет эту область также хайдеггеровским понятием “внутренне реального”»⁴⁷. Знания об этой области получаются с учетом бессознательного пласта, реально присутствующего в человеке в качестве заднего плана и оказывающего соответствующее воздействие на его жизненное поведение. Представляя сущность и задачи герменевтики, Больнов пишет: «Герменевтика есть способ исследования в смысле обнажения бессознательного происхождения. Это обращение к происхождению и к его бессознательно содержимому является типично жизненно-философским исследованием. Человек связан со своим происхождением и с уже содержащейся в нем предрассудочной понимаемостью (Vorverstandverständnis). Он может открывать его при обращении к происхождению только в кругообразном движении. Он может принципиально прояснять только при обращении к истокам своей собственной природы»⁴⁸. Такая постановка проблемы была уже у Шлейермахера, правда, с узкой нацеленностью на интерпретацию текстов, в особом ключе она бы-

---

⁴⁵ Lipps, H. Untersuchungen zu einer hermeneutischen Logik. – Frankfurt a.M., 1938. – S. 60.
Цит по: Bollnow, O. F. Op. cit.

⁴⁶ Ibid. – S. 12.

⁴⁷ Bollnow, O. F. Zum Begriff der hermeneutischen Logik. – S. 109.

⁴⁸ Ibid. – S. 111.

ла расширена Дильтеем до любых объективаций человеческого духа. У Липпса герменевтическая логика является средством вывода бессознательного на уровень сознания, своеобразным «освобождением» человека от опутывающих его бессознательных сетей. Заметим, что Липпса не интересует, как это было у Г. Миша, широко-масштабная постановка проблемы онтогенетического происхождения логических форм и всех связанных с ними истоков собственно человеческого существования. Липпс сосредоточен только на жизни индивида, его интересуют герменевтические проблемы уже ставшего человечества. У него «речь идет о процессе, который каждый раз вновь осуществляется в отдельном человеке»⁴⁹. Мы выше уже выяснили, что обычное понимание происходит безыскусно. Так считали Шлейермахер, Гадамер. Интересно, что этой же точки зрения придерживался Уайтхед: «Понимание самоочевидно. Но ясность нашей мерцающей интуиции имеет предел. Вывод подключается как средство достижения такого понимания, на которое мы способны. Доказательства суть инструменты расширения нашей несовершенной самоочевидности. Они предполагают определенную ясность, но они также предполагают, что эта ясность свидетельствует о несовершенном проникновении в смутное восприятие окружающего нас мира – мира фактов, возможностей, ценностей и целей»⁵⁰. Точно такую же позицию занимает Липпс: «...всегда постигают при некоем изъяне, который по возможности пытаются корректировать, и который как изъян относился к некому правильному... Из этого для понятия герменевтики в ее применении к логике выводится: герменевтика может быть выведена, прежде всего, из нарушений, то есть из трудностей понимания, ее нельзя объяснить ее внутренней установкой»⁵¹.

Оценивая концепцию Липпса, можно сказать, что она представляет собой некий подготовительный этап, разработку оснований, на которые могла бы опереться герменевтическая логика. К сожалению, не нашлось исследователей, которые бы довели его замысел до конца. Далее нами будет приведено несколько соображений, которые дополняют и продвигают дальше выдвинутые предшествующими авторами базисные идеи.

---

⁴⁹ Bollnow, O. F. Op. cit. – S. 115.

⁵⁰ Уайтхед, А. Н. Указ соч. – С. 377.

⁵¹ Bollnow, O. F. Op. cit. – S. 121.

В герменевтической логике существенное значение имеет различие понимания и интерпретации. Последняя есть средство достижения понимания. По сути своей интерпретация является разновидностью объяснения и применяется аналогично доказательству. Вспомним в связи с этим Уайтхеда: «Доказательства суть инструменты расширения нашей несовершенной самоочевидности». То есть несовершенного понимания. Понимание достигается тогда, когда усваивается смысл целого проявления жизни (текста, исторического действия, языкового поступка любого жанра, любой объективации духовной деятельности человека). Понятие «смысл» следует относить не только к области мышления и языка. С точки зрения смысла и значения может быть оценена любая деятельность человеческого духа, объективированная вовне. Рассматривая продукты этой деятельности, мы мысленно можем возвращаться назад, к истокам их творения, и судить о том, насколько эти продукты пронизаны пониманием их создателей, насколько в них укоренено мировоззрение и культура той эпохи, к которой они относятся. Только при таком подходе видно, как возможно объективирование понимания и герменевтики.

В целом можно условно выделить два уровня анализируемого гуманитарного явления. Первый соответствует полному знанию смысла, ситуации непонимания здесь не возникает, не требуется здесь и интерпретации. Второй возможный уровень возникает тогда, когда мы сталкиваемся с ситуацией непонимания. Он характеризуется наличием непонимаемого «остатка» (части) в целом. (В. Дильтей называл его «остатком человеческого бытия в производстве».) В этом случае поэтапно производятся определенные операции, которые можно представить как алгоритмический процесс. На первом этапе этого процесса формируется реконструкционная гипотеза h о смысле целого A , на втором этапе представляется гипотеза e о смысле остатка (части) X по отношению к смыслу A/h (целого A при учете гипотезы K). На третьем этапе формируется условие объяснения смысла X : смысл A/h мериологически объясняет смысл X/e тогда, когда X остановится частью единой системы целого A , то есть так входит в систему, что не противоречит целому A .

Из сказанного можно вывести некоторые важные соотношения между категориями знания, объяснения и понимания.

1. Из знания какой-либо части мериологически не следует понимание целого.

2. Из знания всех частей мериологически не следует понимание целого.

3. Если мы знаем все части целого и существует реконструкционная гипотеза о смысле целого, объясняющая роль каждой части в системе целого, то мы понимаем целое.

4. Если мы знаем смысл целого и знаем отношение каждой части к смыслу целого, то мы понимаем целое.

5. Если мы понимаем целое, то мы понимаем каждую отдельную часть целого.

Эти отношения опираются на принцип герменевтического круга и на понятие мериологического следования, которое уже было выше нами упомянуто. Поскольку реконструкция целого всегда есть определенного рода восполнение недостающего звена, то невольно возникает предположение о правомерности использования энтимематических выводов. В свое время К. Айдукевич в книге «Прагматическая логика»⁵² ввел понятие энтимематического следования. Согласно К. Айдукевичу, из предложения *A* энтимематически следует *B* относительно *C* тогда, когда из *A*, взятого отдельно, *B* не следует логически, а из *A* и *C* следует⁵³. Формально энтимематическое следование в герменевтической логике, разумеется, применяется, но содержательно к специфике герменевтической логики оно ничего не добавляет. Тем не менее полезно помнить, что содержательные операции при реконструкции смысла целого формально соответствуют энтимематическому следованию, которое определяется через классическое логическое следование.

В представленном процессе постижения смысла целого центральное место занимает реконструкционная гипотеза. На ее основе происходят интерпретация (наделение смыслом) неизвестных частей целого и объяснение роли каждой части в структуре целого. Интерпретация в совокупности с объяснением составляет своеобразный способ рассуждения. Движение от части к целому на пер-

---

⁵² Ajdukiewicz, K. Logika pragmatyczna. – Warszawa, 1965.

⁵³ Ibid. – S. 103–104.

вый взгляд похоже на индуктивное движение от частного к общему (что и зафиксировал в свое время, с нашей точки зрения, ошибочно В. Дильтей). Но это не индукция, потому что отсутствует собственно обобщение. Не является данный процесс и дедуктивным способом рассуждения, что тоже не требует дополнительных доказательств.

Это есть особая герменевтическая логика, которую можно описать с помощью следующего процесса. Мы понимаем A , если и только если: 1) знаем смысл известных частей A ; 2) существует реконструкционная гипотеза h о смысле A ; 3) наделяем смыслом (интерпретируем) непонимаемый остаток; 4) объясняем роль каждого элемента (части) в структуре целого A относительно гипотезы h ; 5) если гипотеза h позволяет объяснить роль каждой части в формировании смысла целого A , то процесс завершается (мы постигаем смысл A , то есть понимаем A), а если роль какой-либо части не объяснена, то формулируется новая реконструкционная гипотеза и процесс повторяется начиная со второго пункта. И так до тех пор, пока не будет установлен смысл A .

Как мы уже выяснили, важной особенностью герменевтических рассуждений является их тесная связь с нерациональными моментами, необходимо присутствующими в гуманитарных явлениях. Действия людей, в том числе и творчество, «гуманитарное действие», осуществляются не только при содействии ясно осознаваемых факторов, но и под влиянием инстинктивно-неосознаваемых и даже бессознательных сил. Осознаваемые, неосознаваемые и бессознательные причины человеческих поступков можно называть «идеальными побудительными силами» – понятием, введенным Ф. Энгельсом. Правда, Энгельс применял это понятие по отношению к движущим силам истории, но не будет большим преувеличением использовать этот термин по отношению к любым результатам процесса гуманитарного познания, так как гуманитарные явления суть результат творчества людей, в котором идеальные моменты играют важную роль. Разумеется, этот фактор нельзя абсолютизировать, он дополняет гуманитарное познание, делает его адекватным. Основным детерминирующим его фактором является социокультурная детерминация. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» писал: «Воз-

действия внешнего мира на человека запечатлеваются в его голове, отражаются в ней в виде чувств, мыслей, побуждений, проявлений воли, словом – в виде “идеальных стремлений”, и в этом виде они становятся “идеальными силами”. И если данного человека делает идеалистом только то обстоятельство, что он следует “идеальным стремлениям” и что он признает влияние на него “идеальных сил”, то всякий мало-мальски нормально развитой человек – идеалист от природы, и непонятым остается одно: как вообще могут быть на свете материалисты?»⁵⁴ Недостаточно признать существование «идеальных побудительных сил, следует идти дальше к раскрытию их “движущих причин”»⁵⁵.

Итак, Энгельс не только фиксирует наличие идеальных побудительных сил, но и намечает методологический ориентир в поиске движущих причин. Сами же движущие причины могут быть осознанными (внешние условия, идеальные побуждения) или неосознанными. Что такое неосознанные движущие причины идеальных побудительных сил действий людей? Это часть «подлинных движущих сил истории». Главное, чтобы они не привносились извне, а объяснялись как внутренние побудительные факторы, действие которых обусловлено внешними социокультурными факторами. «Все, что приводит людей в движение, должно пройти через их голову; но какой вид принимает оно в этой голове, в очень большой мере зависит от обстоятельств»⁵⁶.

Наибольшую трудность для понимания составляют неосознанные движущие причины идеальных побудительных сил действий людей в истории и в гуманитарном мире вообще. И в свою очередь весьма нетривиальной задачей является рационализация отмеченного нерационального момента в гуманитарных актах и введение его в мир логики рассудочной деятельности, поскольку неосознаваемые моменты в логике могут проявляться в качестве опускаемых посылок в энтимематических заключениях. Причинами возникновения такого явления в логике могут быть стремление к экономии «рассудочной энергии», времени дискурса и непроговаривание вследствие этого тривиальной информации, которая легко

---

⁵⁴ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 21. – С. 290.

⁵⁵ Там же. – С. 307.

⁵⁶ Там же. – С. 308.

может быть в случае надобности восстановлена. Но, с другой – более сложной для понимания – стороны, неосознаваемые моменты являются включенными в логические механизмы мыслительной деятельности людей. Эти механизмы обусловлены биологическими, психологическими и социальными причинами, заложены в генетическом наследственном аппарате человека и развиваются в определенное время и в определенных условиях настолько, насколько последние позволяют это сделать. Но и этого оказывается еще недостаточно. Существуют приобретенные стереотипы мыслительной, творческой, познавательной и любой другой деятельности, функционирующие на уровне бессознательного и отражающие особенности социальной и коллективной психологии людей.

Нельзя сказать, что в научной литературе по этому вопросу мало написано и что он плохо разработан. Недостатка в гипотезах не существует: «идеальные побудительные силы» (Ф. Энгельс); «коэффициент сознания», «духовная коллективность», «типы духовных укладов» (Г. Г. Шпет); «архетипы коллективно бессознательного» (К. Г. Юнг); «консенсус» (А. С. Лаппо-Данилевский); «коллективные представления» (французская социологическая школа); «ментальность» (школа «Анналов»); «теория идеальных типов» (М. Вебер); «бессознательный фактор в теории концептуальных зависимостей» (Р. Шенк, прикладная лингвистика); «предпонимание», «предрассудки как условие понимания» (М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер); «бессознательное в теории лучшего понимания» (Ф. Шлейермахер); «бессознательное в теории фреймов» (современная вычислительная лингвистика); «универсальная грамматика естественного языка» (Н. Хомский); «языковой инстинкт» (С. Линкер) и пр.

Одним из интересных исследований, в котором рассматриваются «состояния сознания», близкие к «движущим причинам» действий людей в истории, является «Методология истории» А. С. Лаппо-Данилевского. В ней анализируется понятие «консенсус», содержанием которого служат сходные состояния сознания, возникшие у разных индивидов под действием одинаковых жизненных условий. Материальные предпосылки жизни людей в снятом виде проявляются в качестве общих черт их индивидуального сознания. Истолковывая разные смысловые оттенки консенсуса,

Лаппо-Данилевский использует понятия: «общая группа состояний сознания» (подчеркивая момент общности), «психологический тип данной нации» (подчеркивая возможную масштабность глобальных психологических особенностей), «коллективная психология» (указывая на существование психических специфических особенностей у замкнутых коллективов людей, объединенных по разным основаниям: по профессиональным интересам, ведомственно-групповым связям, салонно-светским признакам и пр.). «Одно и то же расположение духа сознается ее (общей по состояниям сознания группы. – В. К.) членами как общее и вызывает однородные продукты культуры, хотя бы формы их были различны. В только что указанном смысле можно устанавливать некое типическое соотношение между состояниями сознания, а также характером данной группы и однородностью соответствующих продуктов культуры»⁵⁷.

Учет такого рода факторов имеет большое значение в историческом исследовании и изучении культуры вообще. Одинаковые условия существования влекут сходные состояния сознания: «Ввиду одинаковых условий существования члены одной группы могут испытывать сходные состояния сознания, т. е. особого рода “систему чувствований, волений, представлений” и т. п., присущую обыкновенно каждому из их большинства»⁵⁸. Такие психологические состояния, характеризующие культурные и национальные типы людей, кладутся в основу при объяснении продуктов культуры. «В силу принципа консенсуса элементы данной социальной системы признаются взаимозависимыми: они стремятся к солидарности друг с другом»⁵⁹. Действиями «идеального человека», «человека вообще» *объясняют* согласованность продуктов культуры: один господствующий национальный или культурный тип человека отражается во всех продуктах культуры; данные в одном сознании способности или склонности уравниваются под влиянием господствующей (типической) особенности и приходят к гармонии⁶⁰. А. С. Лаппо-Данилевский, в целом разделяя точку зрения, которая

---

⁵⁷ Лаппо-Данилевский, А. С. Методология истории. – Ч. I. Теория исторического знания. – СПб., 1910. – С. 147.

⁵⁸ Там же. – С. 145.

⁵⁹ Там же. – С. 149.

⁶⁰ Там же. – С. 150.

вводила в гуманитарные науки психологические методы, тем не менее критикует ее сторонников за абсолютизацию ее значения в ущерб другим научным методам исследования.

Много внимания в разработке неосознаваемых факторов в действиях людей уделил Г. Г. Шпет. С точки зрения шпетовской феноменологии, реальные вещи выступают в сознании как явления, они составляют «абсолютное имманентное бытие» – предмет феноменологии. Возможность его познания определена рефлексией, направленной на интенциональные переживания. Это бытие есть «идеальное бытие, и оно специфичным образом *существует* наряду с эмпирическим бытием, но совершенно *независимо* от него, из него “выключены все связи эмпирического мира”. Идеальное бытие есть «бытие *suī generis* и оно усматривается путем особого направления внимания или путем особой “установки”, – в корне неверно поэтому утверждение, видящее в идеальных “вещах” только продукты нашего абстрагирующего познания»⁶¹.

Что же еще входит в содержание идеальной «вещи», кроме результатов абстрагирования? Шпет считает, что все явленное нам предстает с определенным «коэффициентом сознания». Он полагает, что, «исследуя ту или иную область действительности или бытия вообще, мы можем исследовать ее или догматически-научно, не принимая в расчет стоящего перед ней коэффициента, – и такое исследование будет исследованием вполне законным, оно действительно определит данное X или Y , или иное неизвестное и их алгебраическую связь, – но можем исследовать данное X также вместе с сопровождающим его коэффициентом и в нем, – такое исследование будет феноменологическим, по крайней мере, по роду своему. Очевидно, мы можем производить многочисленные операции над выведением за скобки то одного, то другого общего множителя, и таким образом получать феноменологические описания разной степени общности и разного характера по существу. Продолжая эту задачу идеально до конца, мы можем предвидеть, что останется некий коэффициент, общий множитель, ко “всему” заключенному в скобках. Его исследование как коэффициента всего и есть чистая

---

⁶¹ Шпет, Г. Г. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы. – М., 1914. – С. 59.

область феноменологии во всем ее всеобщем и основном значении»⁶².

Действие «коэффициента сознания» не может быть снято абстракциями и идеализациями (предпосылками познания, предпосылками понимания) научной теории, то есть теоретическая познавательная деятельность осуществляется не вместо актов сознания, а вместе с ними. «Коэффициенты сознания» сопровождают любые акты сознания. Если их содержание «заключается в скобки», то за скобками как раз и останутся «коэффициенты сознания». Связи «мира идей» с эмпирическим миром могут быть сохранены через систему обозначений индивидуальных предметов и конкретных личностей, выраженных в языке посредством единичных терминов и собственных имен, значением которых выступают индивидуальные сущности. В остальных случаях значение есть идея⁶³. На мой взгляд, работа Шпета «Введение в этническую психологию», изданная 13 лет спустя после работы «Явление и смысл», является попыткой связать отвлеченную философскую концепцию с практически ориентированными взглядами, попыткой приложения феноменологии в психологии (соединение льда и пламени!). Казалось бы, Шпет противоречит своим собственным антипсихологическим установкам, отступает от рационалистической линии, которой до этого так последовательно придерживался. Но на самом деле никакого противоречия нет: только строгое, последовательно проведенное разделение философии и психологии дает возможность заметить обладающие наибольшей общностью философские методы исследования в конкретно-научных областях, в частности в этнической психологии.

Итак, согласно концепции Шпета, значение общих выражений составляют идеи. Но все дело в том, что формы их выражения могут быть весьма разнообразными. К ним относятся не только слова языка, но и все то, что считается «продуктами культуры» (здесь прослеживается явная параллель с идеями В. Дильтея). Значение этих выражений состоит из двух «порядков». Первый порядок есть прямое и предметное значение. «Здесь “выражение” выполняет

---

⁶² Шпет, Г. Г. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы. – С. 53–54.

⁶³ См.: Он же. Введение в этническую психологию. – М., 1927. – С. 129.

свою прямую собственно **значащую** функцию»⁶⁴. Второй порядок значения связан не со значащей, а с *выражательной* функцией в узком смысле, «как “обнаружения” и “проявления” экспрессии. Мы начинаем строить догадки о том, как **переживает** сам выражающий содержание своих переживаний»⁶⁵. Все продукты культуры имеют «коллективную природу, состоящую из сложной системы организации, раскрытие которой и составляет задачу *философской онтологической науки* об этих значениях, основной для всех остальных наук об них»⁶⁶.

Все переживания, фиксируемые вторым порядком значений выражений, характеризуются общностью, которая определяется «духовной коллективностью». «Это общее, – пишет Шпет, – мы составляем по признакам, принадлежащим разным индивидам, но по отношению к данной сфере событий – языковых, религиозных, политических и пр. – каждый из них является репрезентантом всей реагирующей группы. И каждый отражает в себе коллективность самой группы, так как с каждым членом ее он находится в более или менее близком контакте, испытывает на себе ее влияние, внушение, подражает ему, сочувствует и т. п. Мало того, каждый член группы, опять в большей или меньшей степени, носит в себе духовную коллективность, известную под названием традиции, преданий, которые также можно рассматривать как систему духовных сил, определяющих настоящие переживания, впечатления и реакции индивида. Каждый живой индивид поэтому есть *sui generis* коллектив переживаний, где его личные переживания предопределяются *всей массой* апперцепции, составляющей коллективность переживаний его рода, то есть его современников, так и его предков. В целом коллектив переживаний, носимый в себе индивидом, можно обозначить как его *духовный уклад*»⁶⁷.

Феноменологическая методология Шпета несколько не противоречит его психологическим опытам. Наоборот, она способствует четкой постановке проблемы. «Духовная коллективность», «духовный уклад», «тип эпохи», «тип народа» – понятия этнической пси-

⁶⁴ См.: Шпет, Г. Г. Введение в этническую психологию. – С. 130.

⁶⁵ Там же. – С. 130–131.

⁶⁶ Там же. – С. 132.

⁶⁷ Там же. – С. 133–134.

хологии, наполняющие конкретным содержанием общую категорию феноменологии «коэффициент сознания». Оказалось, что феноменология, будучи теорией «абсолютного имманентного бытия», главной проблемой которой является специфика методов исследования чистого сознания и выражения его содержания⁶⁸, может быть интерпретирована в терминах этнической психологии. И тогда становится ясным, что специфика логических рассуждений в этой области зависит от невыражаемой явным образом информации и глубинных структур (как их назвать – «коэффициенты сознания», предструктуры понимания или каким-либо иным коэффициентом, – не имеет решающего значения), внутренних, имплицитных образований, не учитывать которые исследователь не имеет никакого права, так как они во многом будут определять специфику изучаемых явлений. Объективное содержание и субъективное выражение «продуктов культуры» едины, неразделимо слиты в гуманитарном явлении, научные описания которого должны быть разделены, а следовательно, различны будут и логические основания, на которые опираются научные методики. «Нужно уметь читать “выражение” культуры и социальной жизни так, чтобы и смысл их понять, и овевающие его субъективные наслоения симпатически уловить, прочувствовать, со-пережить. Труд и творчество субъектов в продуктах труда и творчества запечатлены и **выражены** объективно, но в этом же объективном **отражено** и субъективное. Реально – единый процесс, научные объекты разные»⁶⁹.

Для понимания объективного смысла предназначаются герменевтические методы со свойственными им логическими приемами, а для «симпатического со-переживания» – психологические научные методики, основания которых в свою очередь имеют собственную специфику. «Определяющие источники всякого конкретного переживания лежат в духовном укладе, который предопределяет действия и переживания не только индивида, но всякой группы»⁷⁰. Психологические методики должны «уметь» выявлять не только психологически осознаваемое, но и психологически неосознавае-

---

⁶⁸ См.: Шпет, Г. Г. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы. – С. 55–58.

⁶⁹ Он же. Введение в этническую психологию. – С. 11–12.

⁷⁰ Там же. – С. 147.

мое, так как «действительный субъект включает в себя обширную сферу бес- и подсознательного»⁷¹.

Таким образом, для герменевтической логики наряду с учетом явно осознаваемых логических принципов характерна рационализация нерациональных моментов, неявно присутствующих в мысленном содержании знаково-символических систем, в виде которых является исследователю предмет гуманитарного познания. В герменевтической логике вводится в логические сферы (учитывается в ходе логических рассуждений) то, от чего классическая логика сознательно отвлекалась. В этом случае в рассуждения «внедряются» моменты, которые изучаются когнитивной лингвистикой и этнической психологией, семантикой, прагматикой и теорией коммуникации, логические структуры наполняются многими содержательными моментами, которые специфицируют процессы герменевтических рассуждений.

Герменевтическая логика является логическим основанием не только герменевтики как искусства интерпретации, но и всей логики и методологии гуманитарных наук.

---

⁷¹ Шпет, Г. Г. Внутренняя форма слова. – М., 1927. – С. 127.